

Загадка двадцатого века

100 лет Грете Гарбо *Коммюнике*

2005. - 17 ескі - С.Р.

дата КИНО

18 сентября Грете Гарбо исполняется 100 лет. Поверить в то, что всего 15 лет назад она была жива, почти невозможно. Она исчезла с экранов и с глаз публики в 1941-м, навсегда оставшись самой совершенной звездой за всю историю кинематографа. О Грете Гарбо — КИРА ДОЛИНИНА.

Если совсем ничего не знать о Грете Гарбо, никогда не видеть ни одного ее фильма, если не слышать ее голос и ничего о ней не читать, а только смотреть на фотографии, понять ее убийственное воздействие на людей будет невозможно. Холодная женщина североевропейского типа с правильными чертами лица, огромными глазами и вечно трагической маской на лице. Загадочная? Да. Особенная? Нет. Особенной ее делал экран.

Другие оживляли экран своими улыбками, походкой, жестами, заставляли людей смеяться и плакать, другие пели и танцевали. Грета Гарбо могла бы вообще ничего на экране не делать, потому что она и есть кинематограф. Только про нее позволительно было писать, что «плотная белизна ее лица равна белизне экрана, а трагическая отчужденность рождена невозможностью преодолеть одномерность кинополотна». Написавший эти слова десять лет назад блистательный кинокритик Сергей Добротворский заранее готов был присоединить свое перо к миллионам критических перьев, сломанных о загадку Гарбо. Среди этих миллионов и Ролан Барт, и Бела Балаш, и Грэм Грин. Каждый из них внес в мифологию Гарбо свой вклад: Барт описывал ее лицо как «сотканное из снега и одиночества», Балаш окрестил ее «изгнанницей», Грин считал, что «нет в мире другой киноактрисы, которая сумела бы столь убедительно, сильно, без всякой фальши выразить идею рока». Все они правы.

Пока Грета Луиза Густафсон не стала Гретой Гарбо, она была полноватой, улыбчивой девушкой из бедных кварталов Стокгольма. Ее отец был уборщиком уличных туалетов, у нее была деспотичная мать и брат с сестрой. Дети учились вяло, а после смерти отца и вовсе забросили школу. Она была никем, пока не попала под вспышку фотокамеры: экономя на моделях, ее вместе с другими молоденькими продавщицами универмага сняли в рекламе новой коллекции шляпок. Ее лицо оказалось способным вытянуть любую фотографию. Потом в этом же ее свойстве убедились и кинооператоры. По преданию, один из первых ее операторов предложил ей подрезать чересчур длинные ресницы, которые превращали глаза на экране в огромные черные дыры. На

эти «дыры» вскоре стали молиться миллионы зрителей.

За фото- и кинорекламой последовали комедийные короткометражки, за одну из ролей в которых девушке, способной превращать каждое свое появление на экране в чудо, присудили стипендию на обучение в студии «Драматен» при Королевском стокгольмском театре драмы. Из Швеции она уедет уже Гретой Гарбо, восходящей звездой европейского кино, снявшейся у великого Георга Пабста, протеже приглашенного в Голливуд режиссера Морица Стиллера. В Голливуде она сама станет великой, будет обходить без покровителей и советчиков, заработает себе привилегии выбирать сценарий, режиссеров и партнеров, сколотит немалое тогда для кинозвезды состояние, сыграет в 10 немых и 14 звуковых фильмах и исчезнет с глаз после съемок у Джорджа Кьюкора в «Двуликой женщине». Ей было 36 лет. Исчезнув, она прожила еще полвека.

«История моей жизни, — говорила Гарбо, — это история о запасных выходах, боковых дверях, тайных лифтах и других способах входить и выходить так, чтобы меня не беспокоили». Можно подумать, что это она сказала о жизни актрисы, постоянно защищающей свою частную жизнь от посторонних глаз. Но вполне возможно, что этими словами можно описать и ее публичную жизнь — ту, что на экране. Ни одна другая великая киноактриса не была столь закрытой даже в самых обнажающих душу ролях. Она имела странную привычку, играя наиболее эмоционально сложные сцены, уходить за ширму, допуская к себе только камеру. Наверное, так ей было удобнее, наверное, там и был ее запасной выход в чувства. Но зрителю этого не понять — для него она, даже в самом крупном плане, в самом страстном поцелуе, в слезах и в улыбке, оставалась далекой и абсолютно неземной.

Она из тех актрис, которые меняют в кадре все, едва лишь в нем появившись. Она из тех актрис, которые способны держать в напряжении зал, не делая при этом абсолютно ничего. Но она никогда не была мечтой для своих зрителей, ее невозможно было ни представить в реальной жизни, ни желать так, как желают прочих недоступных звезд экрана. Она открыла путь на экран холодным звездам, тем, которых так любил снимать Альфред Хичкок. Хичкок мечтал снять и Грету Гарбо — но было поздно, она уже перешла в мир темных очков и закрытых дверей. «Почему вы перестали сниматься в кино?» — спросили ее. «Я смастерила уже достаточно много лиц», — ответила она. Действительно, немало, но одно лишь ее лицо вошло в историю кино — лицо Бессмертия. Ему она посвятила и свое недолгое актерство, и свое полувековое безактерство.

